

Любовь, КОСМОС, И РОБОТЫ

Рисунки В. НЕДОГОНОВА.

Лирический рассказ XXI века

Сияющие глаза, улыбка, порывистость, грация! Это Леночка, несчастье мое.

— Но вы такой старей! — воскликнула она в ответ на мое признание. — Даже смешно, что вы говорите о любви!

Я отошел от нее с гордо поднятой головой и разбитым сердцем. Предательски быстро течет жизнь. Совсем недавно, кажется, вчера, мне было семнадцать, как Леночке, и вот уже старик: двадцать три.

О своем горе я поведал Петьке Возликову, другу. Петька наморщил лоб.

— Эврика! — заявил он минуту спустя. — Помолодеть при современном уровне медицины тебе, конечно, не удастся. Зато ты сможешь подогнать Лену под свой возраст.

— ???

— Полетай с годик на звездолете. Вернешься, а на Земле, согласно теории относительности, несколько лет пройдет. Посмотрим, станет ли она воротить нос, когда тебе будет двадцать четыре, а ей все двадцать восемь.

— Ну-у, придумал, — разочарованно протянул я. — Посылают-то на звездолетах одних роботов.

— Соображать надо, — наставительно сказал Петька. — Закажи себе титановую оболочку, будь то маскарад, влезь в нее. Ты же в драмкружке занимаешься. Неужели в отделе кадров управления космических полетов ты не сыграешь роль автомата?

Через месяц транспространственный лайнер «Молекула», на борту которого находился я, удаляясь от Земли, пересек орбиту Плутона и вышел, таким образом, за пределы солнечной системы. В списках его экипажа я числился как робот-автомат типа «Сатурн-119» рижского завода ВЭФ. Это значило, что у меня четыре контура памяти, я воспринимаю, кроме обычных, также инфракрасные и ультрафиолетовые лучи и могу работать в температурных пределах от минус двухсот пяти до плюс тысячи трехсот градусов Цельсия. На звездолет я был принят в качестве затыльника. У роботов прорва свободного времени, и я вынужден был трудиться в поте лица. То организуешь игру в «кошки-мышки», то в «веревочку», то ломаешь голову, придумывая шараду.

Я бы, наверное, совсем заматался, если бы не электропатолог Клецикин (среди молекулцев не было страдающих расстройством электронной системы, но в полете могло случиться всякое). Заглянул он как-то в мою кабину и хмыкнул.

— Все транзисторами варишь? Смотри, попадешь ко мне в лапы.

— Отстань! — отмахнулся я.

— Нет, серьезно. Мы тут с ребятами собрались «козла» забить, да одного не хватает. Присоединяйся.

— Не могу. Программу на завтра составляю.

— Эх, чудак-робот! Да поручи ты это дело машине!

Он тут же научил меня обращаться с главным электронно-мыслящим устройством, я пощелкал на клавишах — дал ему задание, и мы отправились в красный уголок. Там ждали нас специальный корреспондент журнала «Вокруг Вселенной» Бронзов и еще один автомат, которого величали не иначе, как по имени-отчеству: Иван Филиппович. По всему было видно, что это старый космический волк. Моей ролью он обильно переспал «радиоактивными» выражениями, титановый корпус его покрывали многочисленные сверные швы — следы былых многочисленных походов.

— В морского или галактического? — спросил Иван Филиппович.

Решили играть в галактического. Иван Филиппович отключил у себя рентгеновое зрение, и мы ударили костяшками по столу.

С этого началась для меня на корабле вольготная жизнь. Всю основную работу я переложил на плечи машины, а сам забывал «козла» или торчал вместе с вахтенными в центральном посту, уставившись в экраны. Иногда на меня нападала хандра. Я записался в каюту и включил магнитовидеофон. Леночка ухаживает за саженицами, Леночка у доски доказывает теорему Пифагора, Леночка с книгой — проплывали передо мной кадры.

Наш полет носил испытательный характер. Мы должны были проверить на форсированных режимах работу новых гогонных двигателей. В искусственном вакууме гогоны сталкивались с антигононами. Энергия при этом выделялась колоссальная. Корабельные гогонники говорили, что на противометеорную водородную бомбу они смотрят как на пистон для детского пистолета. «Молекула» развила скорость, близкую световой. Приближался момент, когда пора было начинать торможение.

Затормозим, повернем и двинемся обратно к Земле.

Я забрал в красный уголок. В микропористом кресле тонул Иван Филиппович. У бильярдного стола толкался с кием в руке Бронзов, целялся, бил. Шары с треском всаживались в лузы. Он предложил мне перекинуться партией-другой в пирамиду. Я отказался, сославшись на то, что утром по ошибке влил в правый локтевой шарнир слишком густую смазку (не мог же я с ним на самом деле играть: сразу бы выскочило, что у меня не механическая, а обыкновенная человеческая рука).

— Каррамба! — выругался Иван Филиппович. — Сейчас должны включить тормозные, кланяусь альфой Волопасал!

И в тот же миг из-под ног чиркнул пол, ухнуло, загрохотало.

Когда я очнулся, было полутемно, едва светила аварийная лампа. Искусственная тяжесть исчезла, я встал, колымаясь, в воздухе, ногами к потолку. Передо мной парили бильярдные шары, обломок кия, сорвавшийся со стены копия с шпильки картины «Утро в сосновом бору» и (я глазами своим не верю!) фантастически изменившийся Иван Филиппович. У старого космонавта оказалась две головы. Та, которая должна была находиться на плечах, металлическая, с антеннами и объективами, отломилась и держалась на тонком проводочке. На ее месте очутился другая — небольшая, с ружьным курьеским пинчиком, бытхемками в космочках, — испуганно уставившаяся на меня голубыми глазами.

С ума сойти! Вот артистка!

— Не ругайте меня! Мне так хотелось полетать на звездочете! Я больше не буду! Что вы сделаете со мной?

— Еще не знаю, человек-заяц, — сказал я. —

Может быть, высану на необитаемый метеорит. Как тебя зовут?

— Галочка Пирожкова. Не высанжайте меня! Честное космонавтовское, я больше не буду!

— Ладно, верю! Помоги-ка мне отвернуть шлем. Заклинисся.

Шлем отвинтили. Голубые глаза раскрылись так широко, будто увидели живого доисторического марсианина.

Вахтенный автомат нажал на ту кнопку. Тормозные двигатели взорвались. «Молекула» глотала пространство, каждую секунду отдаваясь от Земли на двести девяносто тысяч километров. Кроме меня и Галочки Пирожковой, на огромном корабле не было ни одной живой души: в постах, отделениях, отсеках, каютах плавали в воздухе застывшие роботы. Их хрупкие, тонко устроенные механизмы не выдержали астриска...

После взрыва я сначала растерялся. Как и любой молодой человек моего возраста, я

мных структур, теории возмужденных молекулярных связей и прочих наукам! Клецкин довелся, и сама взялась за изучение спек, чертежей, формул. Но и дело я слышал: «А этот знак как называется? А почему здесь сигнал...»

Я мог бы, опираясь на свою капитанскую власть, отправить ее в обсерваторию, чтобы она ждала в телескоп наблюдение за небесным светилом, или, на худой конец, приказав ей прикусить язык. Но я крепился. Когда в радиусе многих миллиардов километров, кроме того, этот бойкий язычок — единственный, поневоле ему позволили болтать лишнее.

Снова я разбирал, собирал, настраивал Клецкина.

Наконец он и шевелиться перестал.

Я отвер с лица холодный пот. «Точка. Вечные странники!» — мелькнула мысль.

— Ну что же ты! — Галочка, чуть не плача, хватил электронпатолога молотком по голове. — Вставай!

Клецкин приподнялся на локтях, замилгал всеми своими излучателями.

— Люди! — удивился он. — Откуда! По инструкции, если на корабле обнаружен человек-заяц и расстояние до Земли не превышает...

Начал собираться!

Дальнейшее было делом техники. Клецкин за несколько часов поставил на ноги все остальные роботы, и они заступились, поехали в гонимые ускорители, затрещали сварочными аппаратами.

...В черной бездне экрана висел тусклый оранжевый шар. Это был Плутон, крайняя планета солнечной системы. Мы сидели с Галочкой в штурманской рубке. Не та, чтобы отремонтировать Клецкина, потом «Молекулу», затем орбитальную и подождать к Солнцу, потребовалось три года. Три года по моему времени, а по земному — полвека.

— Вот, — говорил я, — приземлился мы, а ваши подруги в старую приехали. У них уже и интересы свои, стуршучки.

Галочка вздохнула. Как она изменилась, похорошела, расцвела за эти три года!

— Меня, — продолжала я, — друзья тоже давненько забыли. Петька Возликов, небось, с внуками нытисся.

Она опять вздохнула.

— Вам-то, конечно, легче. В восемнадцать лет люди сходятся быстро. Вы сразу обзаведаетесь новыми подругами. А вот я...

— Знаете что, — оживилась вдруг Галочка. — Яшла для вас выход. Чтобы вам не было одиноко, мы поженимся. Мы меня любите, это давно понятно. Я вас... Я вас сначала ненавидела, когда вы заставляли каждый день в «кошки-мишки» играть. Вот, думаю, безмозглый робот! А потом... А потом, в общем, тонко...

В рубку сунулся было какой-то автомат, но, увидев, что мы целуемся, сиюминутно вспыхнул лампой, потянулся, прикрыл дверь. Кажется, это был Клецкин. Хорошо я его отрезгировал! В общем, все было, как в фантастическом рассказе XX века!

умел водить электромобиль, стратолет, мог собрать из готовых деталей небольшой радиотелескоп или простенький сервомеханизм. Но я не мог управлять громадным космическим кораблем, даже если бы у него тормоза были в порядке.

И все же пришлось взять командование на себя. Я оказался на корабле самым старшим, самым опытным. Эту личужка Галочка так взялахта на меня реснищани: «Когда же мы теперь домой вернемся?» — что мне стало ясно: она ждет решения от меня.

— Ничего, когда-нибудь вернемся, — поощрила я. — Жалко только, что Вселенная не шар, который можно обогнуть.

Я принялся ремонтировать Клецкина. Тут-то я миллион раз почувствовал, что а школе и институте легкомыслино относился к кибернетике, биоэлектронике, теории пространственных ато-